

Алексей Симонов, режиссер фильма «Отряд», а ныне председатель Фонда защиты гласности: «Серēju я нашел на экзаменах Школы-студии МХАТ. Смотрел вампиловского «Старшего сына»: он играл Соседа и выходил на сцену в кепке и с поднятым воротником. Я заинтересовался, что делает этот молодой человек в других спектаклях. Мне посоветовали посмотреть Тургенева. Там Гармаш играл Ямщика: и опять на нем была шапка, а все лицо заклеено бородой. После этих встреч с актером-невидимкой я ринулся за кулисы и сказал, что буду пробовать его немедленно. Почему? Да потому, что в этих ролях, где его почти не было видно, из него перла поразительная достоверность. Гармаш уже тогда был социально достоверен. В нем все уже было. И пробы это подтвердили. Сергей фантастически органичен. Он органично нервен, органично истеричен, органично величествен. Он органично достоверен в самых разных своих проявлениях и обстоятельствах. Это поразительная штука! Мое дальнейшее наблюдение за Сереежиной судьбой подтвердило, что я не ошибся: Гармаш оказался очень большим артистом».

— **Актерские университеты проходили уже в театре?**

— Под руководством Галины Волчек. Она сделала из меня актера и во многом повлияла на меня человека. Она мне и худруком была, и мамой второй. Наставляла, предостерегала, стыдила, хвалила, учила. Однажды мы с ней вместе поехали на юбилей Школы-студии МХАТ, она ведь тоже ее заканчивала. Я, естественно, расслабился: встреча с курсом, капустник. А она меня под каким-то предлогом после выступления забрала домой, от греха подальше, чтобы я не пошел в разгул. Как-то без лишних слов дала понять, что профессия важнее, чем мои заносы. На сегодня я снялся в пятидесяти картинах, сыграл около двух десятков ролей в театре — и в этом тоже заслуга Волчек. Гафта я тоже считаю своим учителем. У него огромная сила убеждения, я очень доверяю его мнению. А как вы думаете, что, вообще, можно чувствовать, когда рядом с тобой работают Волчек, Гафт, Неелова, Ахеджакова, Кваша?! А я застал еще Петра

Щербакова, мне повезло сыграть с Евгением Евстигнеевым. Этим и похвастаться можно, и пользу профессиональную из этого извлечь. Говорят, Алексей Грибов простоя в кулисе МХАТа восемь лет — смотрел, как мхатовские старики играют. Вот и я — стою, смотрю. Учусь все время.

18
ТВ Порт-2000 - июнь-с8-ю

Кажется, сына я бы никогда не любил так, как Дашу (с женой и дочерью, 1989)

— **Говорят, вы большой любитель капустников и розыгрышей.**

— Любитель и ценитель. Хотя и шутить надо осторожно. Иногда, правда, случайно, розыгрыши выходят жестокие, с непредсказуемыми последствиями. Когда мы снимали «Отряд» в Друскининкае, как раз в это время праздновали очередную годовщину освобождения этого маленького городка. Съехались ветераны со всего Советского Союза. И вот двое наших ребят, «солдаты» из массовки, напились и отправились в самоволку на праздник — совершенно не учтя, что на них немецкая форма. Бедных людей на улице чуть инфаркт не хватил. По сравнению с этим наши шутки на «Каменской» были вполне безобидными. Однажды снимали в сквере, и мы с Димой Нагиевым, моим напарни-

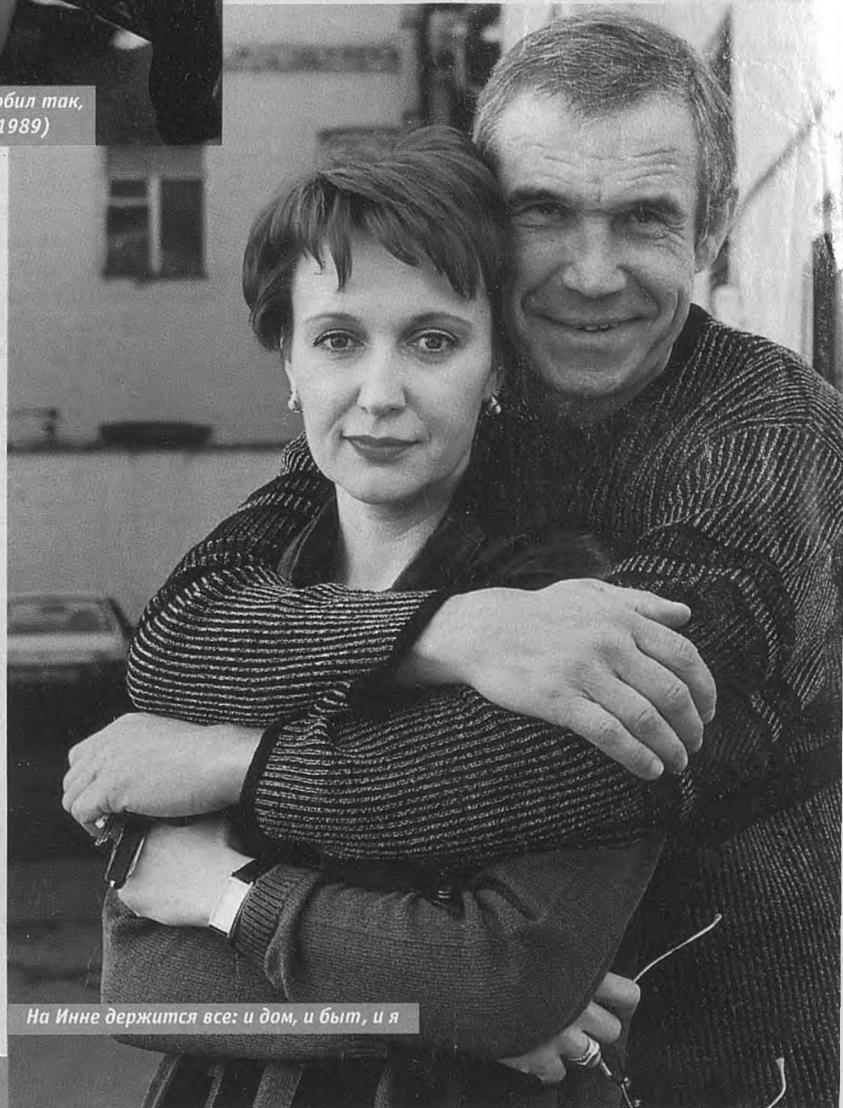
ком по фильму, должны были опшиваться где-то на общем плане. По скверу ходили ничего не подозревающие горожане — камера далеко, что снимают, не видно. Мы с Димой в «гражданке», но с муровскими удостоверениями: у него — капитана, у меня — майора. От скуки начали девушек на скамейках «арестовывать». Подходим, я так загадочно спрашиваю у Нагиева: «Похожа?» — «Похожа». — «Вызывай опергруппу». И Нагиев доставал раацию. Так даже несколько влюбленных парочек «развели». Иногда и Сереежа Никоненко к нам присоединялся. Как-то он сидел у киностудии в форме полковника, а мы к нему «арестованных» водили: девчонки оправдывались, а он их стыдил по-отечески, что пиво пьют. Вот так в роль вживались.

— **Жену и дочь тоже развываете?**

— К ним у меня отношение крайне серьезное. Моя жена, Инна Тимофеева, тоже актриса «Современника». Дочери Даше одиннадцать лет. Театром отравлена. Люблю Барби променяет на поход в театр. Но я не хотел бы, чтобы она стала актрисой. Это, конечно, ее дело, но помогать не стану. Нашему делу научить нельзя. Можно по благу поступить, а дальше? А если нет искры божьей? Протекция протекцией, но это может закончиться трагедией. Даже неталантливому человеку хочется выходить на подмостки, яд театра одинаков для всех. Сейчас столько хороших, интересных профессий...

— **Когда Даша родилась, что почувствовали?**

— Счастье. Радость неопишемую. Мы с Инной не делали даже никакого ультразвука. Я и ей, и всем твердил, что мне все равно, кто родится. Но подсознательно, конечно, ждал сына. А когда родилась дочь, взял ее на руки и вдруг поймал себя на мысли: «Боже мой, как хорошо! Да если б был сын, я б его никогда не смог любить так, как Дашку!» Я ее обожаю.

На Инне держится все: и дам, и быт, и я